

которых для облегчения человеческого усилия применялись массивные противовесы¹.

Во всех упомянутых устройствах сила тяжести выступила не как препятствие, которое надо преодолеть, но, наоборот, в качестве своеобразного «помощника», привлекаемого для исправления дефектов, присущих природному движению (включая движение, вызываемое силой тяжести в ее естественном модусе). Практическое освоение тяжести, осуществленное благодаря ее использованию в новом качестве, в свою очередь, создало предпосылки для ее теоретического анализа в работах Галилея (который, в отличие от многих своих коллег, активно занимался и вопросами практической механики). Завершилась же история освоения понятия силы в работах Ньютона, придавшего формальную всеобщность идеям Галилея.

Пихорович В.Д.

«ГЛАВНАЯ ТРУДНОСТЬ» В ПОНИМАНИИ «КАПИТАЛА» И ГЛАВНОЕ ОТКРЫТИЕ Э.В. ИЛЬЕНКОВА В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

«Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости. Ее анализ и представляет поэтому главную трудность», - так пишет Маркс в первой главе «Капитала».

Но что трудного может быть в понимании того, что «20 аршин холста равняется одному сюртуку»? Смеется Маркс над нами, что ли? Это же все равно, что заявить о трудности понимания того факта, что данный обед стоит 2 доллара. Что тут непонятного? Даешь два доллара - получаешь обед. В ресторане можно сначала съесть обед, а только потом расплатиться: правда, стоит это доверие обычно несколько дороже, чем два доллара. Но в любом случае, какие здесь могут быть проблемы?

На самом деле, проблем очень много. Например, Маркс уверен, что суть уравнения состоит отнюдь не в количественном соотношении, которое, по его словам, всегда только путало даже самых умных политэкономов, а в том, что холст равен сюртуку, во что поверить

¹ Зайцев Е.А. Идеальное движение // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т.2. № 2(8). с. 34–42; Зайцев Е.А. Всеобщее содержание природы в зеркале практической механики (от античности до научной революции XVII в.) // Научные ведомости Белгородского университета. Философия, социология, право. 2017. Вып. 41. с. 12–19..

сложновато: ведь любому ясно, что холст - это холст, а отнюдь не сюртук, а сюртук - это не холст. Но и с количественными соотношениями все не так просто: не приходит же вам в голову требовать два доллара со своего ребенка, которому вы приготовили обед. Или с гостей, которых вы пригласили к себе на день рождения. В последнем случае, правда, проблема будет сложнее: ведь подарки, которые принесут Вам гости, могут стоить гораздо дороже, чем обед, который они съели. Но при этом ни Вы не будете радоваться, что вы обманули этих дурачков, ни гости не будут чувствовать себя обманутыми.

Ну, это как знать! - могут возразить вдумчивые читатели. Вполне можно предположить и такую ситуацию. Здесь мы явно переходим в область психологии, а люди бывают разные: совершенно несложно найти таких, которые очень даже будут стараться соблюсти баланс между ценой подарков и стоимостью обеда. И это замечание будет очень даже правильным. Как и насчет того, что стремление соизмерить расходование усилий даже на воспитание детей с предполагаемыми (хотя, вполне возможно, что и совершенно беспочвенно предполагаемыми) будущими выгодами от результатов этого труда, так и насчет того, что здесь явно был осуществлен переход из области экономики в область психологии.

Вот это последнее, пожалуй, и на самом деле является очень трудным для понимания: что такой переход - из области экономики в область психологии - совершается каждый раз, когда мы пытаемся разобрать любой вопрос как из области политической экономии, так и из области психологии. Переход совершается независимо от того, осознаем мы это или нет. А вот осознание этих переходов само собой не дается. Оно, пожалуй, и является самым трудным местом в марксизме.

«... История промышленности и возникшее предметное бытие промышленности являются... чувственно представшей перед нами человеческой психологией... Такая психология, для которой эта книга, т.е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и реальной наукой», - читаем у молодого Маркса, который, правда, пока объясняет эту связь между развитием промышленности и человеческой психологией с помощью крайне абстрактной гегелевской категории «отчуждения», которой до сих пор пробавляются многие незадачливые марксисты, в то время как для Маркса это была, скорее, постановка задачи, а отнюдь не универсальная «отмычка» для решения всех и всяческих задач. Политэкономическая суть отчуждения будет вскрыта Марксом только в «Капитале», когда, анализируя простую

форму стоимости, он покажет, как товар, находящийся в относительной форме стоимости, выискивая себе на рынке товар, находящийся в эквивалентной форме стоимости, дабы достичь своей цели, превращает органы человека, его руки, ноги, голову в свои собственные органы, подчиняет его мышление, чувства, волю своей собственной логике. «Я самый лучший», «выбери меня» - кричит товар устами продавца.

«Капитал» и есть не что иное, как самая систематическая на нынешний день, и в то же время, самая глубокая (доведенная до уровня совпадения исторического и логического) история современной, то есть, машинной промышленности, или, что то же самое, товарного производства, доразвившегося до той стадии, когда товаром становится рабочая сила, или, другими словами, сущностные способности человека. В то же время, «Капитал» дает ключ к пониманию ВСЕЙ человеческой истории, в той мере, в какой эта история есть становление товарных отношений и одновременно - создание материальных условий для их окончательного преодоления.

Начальным логическим пунктом изложения этой истории Маркс выбрал анализ товара, или, что то же самое - стоимости (не понятия стоимости, а самой стоимости, то есть товара, который, как известно, предстает перед нами как потребительная стоимость и стоимость). Это начало несколько не совпадает с начальным пунктом исследования, каковым у Маркса послужили потребности теоретического обоснования классовой борьбы пролетариата, но зато оно целиком и полностью совпадает с начальным пунктом становления не только капитализма, но и товарного производства в целом, развитой формой которого (и ничем иным), по определению Маркса, и является капитализм.

Но это значит, что анализ товара должен являться и начальным пунктом при исследовании психологии современного человека - то есть начальным пунктом исследования того, что называется в философии проблемой идеального. У Маркса это написано, что называется, черным по белому, но, тем не менее, Э.В. Ильенков оказался единственным, кто обратил внимание на эту сторону дела:

«И совсем не случайно Маркс возвращается к проблеме «идеального» как раз в связи с проблемой стоимости, формы стоимости. Здесь эти проблемы оказались завязанными в один узел. Не распутав одну, нельзя было распутать и другую. Ибо форма стоимости, как показывал с бесспорной очевидностью самый придирчивый теоретический анализ ее особенностей, оказывалась идеальной, в самом строгом и точном смысле этого понятия и выражающего сие понятие термина...

Это непосредственно универсальная форма, совершенно безразличная к любому чувственно осязаемому материалу своего «воплощения», своей «материализации»... Своего собственного материального тела у этой мистически загадочной реальности нет, и потому она с легкостью меняет одну материальную форму своего воплощения на другую, сохраняясь во всех своих «воплощениях» и «метаморфозах» и даже наращивая при этом свое «бестелесное тело», управляя судьбами и движением всех тех единичных тел, в которые она вселилась, в которые она на время «материализовалась». Включая тело человека».

Э.В. Ильенков понял в «Капитале» в целом и в анализе простой формы стоимости главное - что это есть решение проблемы идеального в целом. Или, что есть то же самое - что в «Капитале» не просто описываются экономические процессы, может быть, и ужасно важные с точки зрения экономической науки, но не имеющие отношения к каждому отдельному человеку, а вскрываются самые глубокие тайны человеческой души.

«Буквально все те характеристики, которые традиционная философия и теология приписывали «душе», - универсальность, бестелесность, неуловимость для любых самых тончайших физико-химических способов обнаружения и при этом всемогущая сила повелевать судьбами вещей и людей, - все это в виде «определений формы стоимости предстало перед теоретической мыслью как бесспорная, никакому сомнению не подлежащая, любое сомнение (даже декартовское, даже юмовское) выдерживающая реальность».

Если попробовать перевести ситуацию на модный в современной философии язык аналогий, то стоимость подобна вирусам, которые так изменяют клетки, что они начинают производить вирусные частички вместо того, чтобы воспроизводить самих себя. Так и товарное отношение, стоимость, поражает человеческую душу, «перепрограммируя» ее на воспроизводство все новых и новых стоимостей, то есть, на воспроизводство товарных отношений, отношений «ты мне - я тебе», и «блокируя» в ней все человеческое. И никакие «противовирусные препараты» в виде религиозных проповедей и даже самых радикальных антикапиталистических призывов, никакие гуманистические «припарки» здесь не помогут, поскольку тайна капиталистической стоимости скрывается не в ней самой, а в простой форме стоимости. Ну, как Кощеева смерть в игле, которая в яйце, а яйцо в ларце и т.д. Бить, резать, расстреливать, жечь огнем самого капиталистического «кощея» бесполезно. Преодолеть капитализм можно, только сломав «иглу» товарного обмена, на которую «посажено» современное человечество, и который (товарный обмен) не исчезает немедленно вместе

с капитализмом, а в виде «латентной инфекции» остается и при социализме, угрожая немедленным возвратом к капитализму, как только работа по преодолению товарных отношений ослабевает.

Но зато в этой же простой форме стоимости, то есть в товарных отношениях (а точнее, в разнообразных формах их преодоления, отрицания) скрывается тайна и всех собственно человеческих отношений современного общества: тайна любви и дружбы как отношений, выходящих за рамки принципа «ты мне - я тебе»; тайна быстрого развития человека в детском возрасте, когда человек еще не включен в товарные отношения, и резкого торможения развития и даже очевидного отупения взрослых по мере их включения в эти отношения; тайна магического воздействия на человека искусства, которое пытается преодолеть товарные отношения хотя бы в воображении; тайна просвещения, которое есть попытка выйти за эти пределы в области мышления; тайна могущества религии, которая обещает то же самое, хотя бы «в мире ином», тайна живучести идеи коммунизма, который есть идея преодоления товарных отношений в действительности.

В конце концов, вопрос о том, будет ли преодолена обозначенная в заглавии трудность - это вопрос жизни и смерти для современной цивилизации.

Разумеется, что спасение современной цивилизации не в том, чтобы понять простую форму стоимости, а в том, чтобы научиться преодолевать, или снимать эту форму, как только человеческая деятельность ее приобретает, что означает в действительности преодолевать противоположность идеального и материального. Уже другой вопрос, что без овладения соответствующим способом мышления, то есть способом мышления, способным выносить напряжение противоречия материального и идеального, преодоление этой противоположности в действительности возможно разве что в виде исключения, как счастливая случайность. Такая счастливая случайность до сих пор выступала разве что в виде внезапного «озарения» художника или ученого, которое очень часто граничило с безумием. А в более или менее систематическом виде оно нашло свое выражение в идеалистической системе Гегеля.

«Дело в том, что в гегелевской системе, хотя и в перевернутом виде, все же нашел свое теоретическое выражение факт диалектического превращения идеального в материальное и обратно, чего даже не подозревает «глупый» материализм, застревающий на грубом, недиалектическом их противопоставлении».

Но чем здесь может помочь философия, и что собственно открыл в этом вопросе Ильенков? Так вот, Ильенков считает, что философия

здесь может помочь не путать материальное и идеальное, объективные законы развития и то, как себе люди представляют ситуацию, проще говоря, не принимать желательное за действительное. Такая путаница неизбежно ведет к разочарованию в желательном, вместо того, чтобы направлять свои усилия к такому изменению действительности, которое ведет к достижению желательного, то есть к превращению идеального в материальное. Самое интересное, что путаница в вопросе об отношении материального и идеального ведет к разочарованию в желательном даже тогда, и даже особенно тогда, когда это желательное вполне разумно, и даже когда это единственный путь к спасению.

Это, пожалуй, все, что может философия. Но это такое «все», больше которого и не бывает, по крайней мере, больше которого и не нужно. Ленин по этому поводу в «Философских тетрадах» делает замечание:

«Мысль о превращении идеального в реальное глубока: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды».

Если же философия, а вслед за ней, и наука, останавливается на противопоставлении идеального и материального, да при том еще не понимая ни природы идеального, ни, по этой причине, универсальной, то есть бесконечной природы материального, то уделом общества, руководствующегося такой философией и такой наукой, становится потеря ориентиров развития (разочарование в идеалах и презрение к великим идеям) и, как следствие, деградация и распад.

И альтернативой такому развитию событий может быть только преодоление товарного характера производства, что означает в современных условиях не просто отказ от ориентации производства на прибыль как конечную цель, но и отказ от производства вещей как цели производства вообще. Целью общественного производства должно стать производство идеального. Конечно, речь не о «производстве смыслов», производстве информации или тому подобной чепухе, а о производстве, если хотите, «идеального человека». В такой задаче нет ни грана утопии. Такая задача ставилась и даже весьма успешно решалась еще задолго до Ильенкова Антоном Семеновичем Макаренко, который формулировал ее в предельно острой форме воспитания «человека без недостатков». Ильенков же вывел положительную программу производства «идеального человека». Это должен быть талантливый человек.

Методом селекции такого человека не получишь. Только путем преодоления недостатков. Можно спорить, какие человеческие недос-

татки - социального или физического происхождения - преодолевать труднее, но в нашем распоряжении есть великолепный опыт преодоления как тех, так и других. Притом в обоих случаях это были воистину непреодолимые до тех пор недостатки. В случае Макаренко «материалом» для производства идеального человека были малолетние преступники или беспризорники, в случае Загорского эксперимента - слепоглухие дети. Притом опыт Макаренко наглядно продемонстрировал, что такое производство вполне может быть «серийным» и даже массовым, что, по мнению Э.В. Ильенкова будет нормой для коммунизма. Он был уверен, что «талантливым становится любой человек с биологически нормальным мозгом, если ему посчастливилось развиваться в нормальных человеческих условиях».

И дальше он пишет: ««Нормальными» тут вполне допустимо называть условия, внутри которых индивиду предоставлены и обеспечены (как материально, так и морально) все возможности доступа к сокровищам человеческой культуры, в активном овладении которыми впервые возникает, формируется и совершенствуется психика, а мозг превращается в орган этой психики. Коммунизм и есть программа создания таких условий для всех, то есть для каждого индивида с медицински нормальным мозгом. Такие условия создаются в борьбе против ненормальных условий человеческого бытия и их защитников».

Литература

1. Ильенков Э.В. Проблема идеального. // Вопросы философии, М., 1979, №6. С. 128-140.
2. Ильенков Э.В. Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии, М., 1968, № 11, с. 145-155.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5 изд., т. 29.
4. Маркс К., Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. 2-е изд. Т. 23.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. - М., 1956.